

Петербургские наброски

с. 3

«...»

цо». Письмеца долженъ писать обворожительный молодой аристократъ и обожатель цыганской музыки, князь Ларскій. Онъ готовъ во всякое время «запросто» полюбить Пашеньку, но Пашенька отстраняетъ его заигрыванія, въ первомъ же дѣйствіи, выстрѣломъ изъ револьвера. Пуля однако не застрѣливаетъ, а только подстрѣливаетъ князя. Виѣстъ съ тѣмъ она указываетъ ему в новое направленіе для его страсти. Князь Ларскій, переловившись ямщикомъ, увозитъ Пашеньку и женится на ней. Молодая пара переселится на Кавказъ, гдѣ стремительно опрощается в ведетъ въ продолженіе года (за сценою, впрочемъ) образъ жизни народнической. Соскучившись на лонѣ кавказской природы, Ларскіе возвращаются въ мѣстныя. Тутъ мужъ не сомнѣвается уже болѣе, что характеръ Пашеньки — не изъ легкихъ. Первая развѣченность и взбалтываемость ея не знаютъ мѣры и удержа. Книжкины — все та же хористка, но постоянно потрясаемая пароксизмами какой-то демонической ревности. Невостовыя слова рѣдко льются изъ устъ ея, и зрителю кажется, что онъ видитъ, гдѣ-то въ глубинѣ сцены, скромныя очертанія дома для сумасшедшихъ. И зритель правъ; онъ угадываетъ разнышку. Пашенька дѣйствительно сходитъ съ ума и убѣгаетъ изъ дому къ какому-то знакомому швейкаму. Швейки поютъ и шьютъ. Къ нимъ является, въ поспѣхѣ за женою, и князь. При Пашенькѣ — револьверъ, въ концѣ пьесы, такъ же, какъ и въ началѣ ея. Пашенька всегда съ револьверомъ; темпераментъ огнедышащій и огнестрѣльный. Стальное дуло сначала направляется на князя, затѣмъ Пашенька приставляетъ его къ своему виску, и — пьеса кончена. Все это такъ. Но для чего эта пьеса была начата? Чтобы доказать, что князя не должны жепиться на хористкахъ, или — что хористки не должны выходить за князей?

Съ дамскими затѣлками, — будутъ ли онѣ въ прежнемъ или въ новомъ вкусѣ, — еще легко однако мириться. У дамъ, въ ихъ обиходѣ, всегда масса ни къ чему ненужныхъ вещей: ковриковъ, салфеточекъ, подушечекъ, бантовъ, картинокъ, баульчиковъ, статуэтокъ, вазочекъ, медальоновъ и пр. Въ ихъ числѣ могутъ быть и ни къ чему ненужныя пьесы, покондистерски нерезвязанныя розовою или голубою ленточкою. Иное впечатлѣніе производитъ «Чайка». Она огорчаетъ и нѣсколько даже какъ бы тревожитъ серьезнаго зрителя. Ему дѣйствительно жалъ наизяно и безплодно затраченного на странную пьесу художественнаго воображенія, ума и дарованія. Публика Александринскаго театра въ дни бенефисовъ, ставящихъ новыя произведенія извѣстныхъ писателей, всегда даетъ значительный контингентъ развитыхъ и образован-

ныхъ зрителей. Но комедія г. Чехова не могла удовлетворить никого. Между партеромъ и сценою точно стояла какая-то сѣрая пелена, въ родѣ пара, въ которой ощущеніе бродило необыкновенное, искусственно сдѣланные и притомъ неинтересные, потому что неправдоподобные, персонажи. Ихъ связывала довольно банальная фабула, рассказывавшая страданія и гибель чистаго, нѣжнаго и беззащитнаго молодого существа, Нины Зарѣчной, дочери богатаго помѣщика, символически названной авторомъ «Чайкою». Контрасты ради ее окружаетъ кунсткамерная коллекція пошляковъ, глупцовъ или уродовъ. Все это провинціальныя интеллигентныя люди: писатель, врачъ, учитель, актриса. «Чайка» покрываетъ густою тѣнью представителей почти всѣхъ такъ называемыхъ «либеральныхъ профессій». Сценичная сатира, конечно, имѣть право никого не щадить, но она должна быть объективною, безпристрастною и широко поставленною. Въ пьесѣ г. Чехова ея вовсе нѣтъ; есть острая субъективная апохондрія, сплошная окраска всего матеріала желчью, но не сатира. Дѣйствующія лица «Чайки» оставляютъ зрителя совершенно равнодушными. Они вполнѣ исключаемы и въ то же время чрезвычайно шаблонны. Они очень бѣдны психологическимъ и бытовымъ содержаніемъ. Беллетристъ Треплевъ, пошлякъ и сластолюбецъ, только и дѣлаетъ, что возится въ пьесѣ со своею записною книжкою: онъ постоянно заноситъ въ нее всякую пустяковщину, какъ «человѣческіе документы» для своего будущаго романа. Это фигурка изъ-подъ карандаша поверхностнаго и мелкаго карикатуриста. Учитель Медвѣденко вопіюще ограниченъ и невѣжественъ. Онъ созданъ безъ вкуса и мѣры. Неспособныя глупости, которыя онъ говоритъ, тривиальны и натянуты. Такой учитель — порченная овца, которую можно противопоставлять стаду, но которая отнюдь не опредѣляетъ стада. Третій герой, поручикъ въ отставкѣ, все время рассказываетъ дешевые и неудачные анекдоты. Вы встрѣчали его десятки разъ въ тѣхъ или другихъ «любимыхъ публикою» фареахъ. Есть лицо, отиѣченное чисто вѣвшими недостаткомъ — хромотою; оно только хромаетъ и хромаетъ. Есть дѣвица, пьющая водку и *мохающая табакъ*. Есть поэтъ-декадентъ, который разрываясь въ влчья всѣмъ своимъ произведеніемъ и застрѣливается. Есть «любитель природы», — тоже персонажъ, — который въ концѣ пьесы не то засыпаетъ, не то умираетъ. Есть мать, налаживающая адюльтеръ для своей дочери... Въ дѣйствительности, въ маленькомъ захолустномъ обществѣ (дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ), въ кружкѣ, состоящемъ изъ десятка лицъ, не бываетъ, конечно, и не можетъ быть тако-го количества рамолизированныхъ, изжив-

Wm. S. V.

с с с с у а н н н п з м к д т р п с з ч т о м с л д м з ч н о в е к м м н к н а н в с т ш п н з н м к с л д л в ч о у г к п н н л с 4

←X66→